

Научная статья

УДК 346.61/64

DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-4-69-73

Биоэтика суррогатного материнства

Александра Анатольевна Похолкова, Анастасия Дмитриевна Черепанова

*Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева,
Иркутск, Россия*

Аннотация. В представленной статье анализируется суррогатное материнство как сложное явление, находящееся на пересечении биоэтики, медицины и права. Освещаются современные вызовы, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), и раскрываются противоречия между правом ребёнка на знание своих генетических истоков, защитой автономии суррогатной матери и предотвращением коммерциализации репродукции. Особое внимание уделяется правовому регулированию суррогатного материнства в России: рассматриваются понятие и основные виды суррогатного материнства, проанализированы этические и юридические аспекты разделения коммерческих и некоммерческих моделей. Представлен сравнительный анализ международного опыта регулирования суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, биоэтика, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), правовое регулирование, права ребенка

Благодарности. Выражаем благодарность нашему научному руководителю, старшему преподавателю кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева (Иркутск, Россия) Елене Павловне Шевчук.

Для цитирования: Похолкова А. А., Черепанова А. Д. Биоэтика суррогатного материнства // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 69–73. DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-4-69-73.

Original article

The Bioethics of Surrogacy

Alexandra A. Poholkova, Anastasiya D. Cherepanova

East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article analyzes surrogacy as a complex phenomenon situated at the intersection of bioethics, medicine, and law. It highlights contemporary challenges associated with the use of assisted reproductive technologies (ART) and exposes contradictions between the child's right to know their genetic origins, the protection of surrogate mother autonomy, and the prevention of reproductive commercialization. Particular attention is paid to the legal regulation of surrogacy in Russia: definitions and main types of surrogacy are considered, and ethical and legal aspects of dividing commercial and non-commercial models are examined. The article includes a comparative analysis of international approaches to surrogacy regulation.

Keywords: surrogacy, bioethics, assisted reproductive technology (ART), legal regulation, child's rights

Acknowledgments. We express our gratitude to our academic supervisor, Elena Pavlovna Shevchuk, Senior Lecturer at the Department of Civil Law of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Irkutsk, Russia).

For citation: Poholkova AA, Cherepanova AD. The Bioethics of Surrogacy. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2025;10(4):69–73. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2025-10-4-69-73.

Введение

Суррогатное материнство представляет собой одну из наиболее противоречивых и динамично развивающихся форм применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), которое одновременно находится на стыке биоэтики, медицины и права. Стремительное распространение данной практики сопровождается появлением сложных правовых и этических коллизий, требующих системного анализа и выработки чёткого нормативного регулирования.

Актуальность исследуемой проблемы определяется несколькими факторами. Во-первых, в процессе суррогатного материнства возникает напряжённость между двумя фундаментальными принципами: правом будущего ребёнка на знание своих генетических истоков и защитой автономии суррогатной матери. Недостаточная проработка механизмов информированного согласия, а также отсутствие единых стандартов по обеспечению психологической и медицинской поддержки для всех участников процесса нередко становятся причиной судебных споров и социальных конфликтов. Во-вторых, важнейшим аспектом является проблема коммерциализации репродукции и риска эксплуатации женщин, выступающих в роли суррогатных матерей. В-третьих, международная практика демонстрирует широкий диапазон подходов к регулированию суррогатного материнства — от полного запрета и строгого государственного контроля до фактической либерализации рынка ВРТ.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе проблем в России и за рубежом вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства и разработке предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: исследовать теоретические основы суррогатного материнства; проанализировать действующее нормативно-правовое регулирование; выявить основные проблемы правоприменения; изучить зарубежный опыт; сформулировать предложения по законодательному совершенствованию.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и иные методы научного познания.

Степень разработанности темы исследования.

Вопросы биоэтической проблемы и правового регулирования суррогатного материнства освещались в работах: Е. Г. Столяровой, А. П. Анисимова, А. С. Мограбяна, Я. В. Мочаловой и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Суррогатное материнство представляет собой особую форму применения вспомогательных репро-

дуктивных технологий, при которой женщина (суррогатная мать) вынашивает и рождает ребёнка для других лиц (генетических или социальных родителей). В научной литературе выделяют два основных вида суррогатного материнства: гестационное и традиционное.

Гестационное суррогатное материнство признаётся наиболее безопасным с точки зрения биоэтики, поскольку исключает нарушения генетической аутентичности и позволяет сохранить связь ребёнка с генетическими родителями.

В традиционном случае суррогатная мать одновременно является генетическим донором, что создаёт дополнительные этические дилеммы и юридические коллизии, связанные с правом ребёнка на генетическую аутентичность и с возможным пересечением родительских прав и обязанностей.

Необходимо отметить, что ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон № 323), запретила коммерческие договоры на суррогатное материнство, предусматривающие выплату вознаграждения суррогатной матери, за исключением документально подтверждённых расходов, связанных с медико-биологическими процедурами, психологической поддержкой и т. д. (ст. 55 Закона № 323)¹.

Тем не менее в практике существуют схемы, позволяющие обходить этот запрет за счёт формального обозначения выплат «возмещением расходов», что противоречит принципам биоэтики и создаёт риски для здоровья женщин и прав ребёнка.

Е. Г. Столярова в своём исследовании выделяет несколько схем, применяемых для обхода запрета: заключение дополнительных соглашений, финансирование через третьи лица и использование льготных кредитов для «покрытия расходов» суррогатной матери [3, с. 120–126].

Биоэтическая критика коммерциализации репродукции основывается на принципе человеческого достоинства и недопустимости превращения человеческого тела и беременности в товар. В Конвенции Овьедо и рекомендательных актах ЮНЕСКО, право ребёнка на генетическую принадлежность является фундаментальным элементом охраны достоинства личности и гарантий её развития.² Вместе с тем, в российской практике встречается значительное число случаев, когда доступ ребёнка к информации о генетических родителях подвергается

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Конвенция о защите прав человека и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Овьедо, 4 апреля 1997 г.) // Сборник международных договоров. 1997.

ограничению либо формируется исключительно по воле сторон (генетических родителей и суррогатной матери), заключивших договор.

Современное российское законодательство предполагает, что интересы ребёнка должны быть приоритетными в любых репродуктивных процедурах. Однако на практике этот принцип сталкивается с рядом существенных препятствий, обусловленных спецификой договорных отношений между генетическими родителями, суррогатной матерью и медицинскими организациями.

Я. В. Мочалова отмечает, что в ситуациях, когда ребёнок появляется на свет благодаря суррогатной матери, зачастую возникают юридические и этические конфликты между условиями, прописанными в договоре, и интересами самого ребёнка [2, с. 448–452].

Также существует вероятность ограничения доступа ребёнка к информации о генетических родителях. Это влечёт за собой целый спектр рисков: нарушение права на идентичность, психологические затруднения, отсутствие возможности получения сведений о медицинских рисках, связанных с наследственными заболеваниями.

Кроме того, выделяется биоэтическая проблема, связанная с обеспечением полноты и защищённости автономии суррогатной матери в процессе выполнения условий договора.

Один из важнейших элементов защиты автономии суррогатной матери — протокол информированного согласия. Так, приказ Минздрава РФ № 803н (не вступивший в силу) предлагал предусматривать в пунктах 3–5 обязанность медицинских учреждений доводить до сведения потенциальной суррогатной матери все медицинские, психологические, юридические и биоэтические риски, связанные с программой ВРТ, а также фиксировать её добровольное согласие через письменное соглашение¹.

Нарушение протокола согласия может привести к эксплуатации и психологическому давлению, а в некоторых случаях к принуждению вынашивания или отказу от ребёнка. Неполная информация о медицинских рисках может повлечь за собой существенный ущерб здоровью суррогатной матери — от физиологических осложнений беременности до посттравматических расстройств, связанных с отчуждением ребенка.

Только комплексный подход способен минимизировать риск нарушения автономии суррогатной матери и обеспечить баланс интересов всех сторон.

¹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (документ не вступил в силу)// Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74676088/>

Величина вознаграждения, платы за услуги суррогатной матери, а также схемы финансирования и посредничества остаются предметом масштабных споров среди исследователей, законодателей и представителей медицинского сообщества. Эксплуатация женщины в качестве суррогатной матери может принимать разнообразные формы: от принудительного участия за обещанное вознаграждение до обмана относительно медицинских условий и последствий. При этом российское законодательство хоть и закрепляет запрет коммерческих договоров и ограничение выплат до компенсации расходов, но, как показано выше, практика доказывает существование целого спектра непрозрачных схем финансирования подобных процедур.

Гендерная эксплуатируемость, психологическое давление на суррогатных матерей и стигматизация детей, рождённых в подобных условиях, остаются серьёзными вызовами биоэтике и требуют выработки новых подходов на национальном и международном уровнях.

А. П. Анисимов и А. С. Мограбян фиксируют множество примеров «присвоения» ребёнка — отказа суррогатной матери от передачи ребёнка, несовпадения интересов между генетическими и социальными родителями, а также неясности формулировок договоров, допускающих разночтение условий передачи ребёнка и определения его юридического статуса [1, с. 114].

Мы полагаем, что для эффективного обеспечения прав генетических и социальных родителей требуется:

- признание биологического родства (генетические родители);
- законное оформление опеки и передачи ребёнка (социальные родители);
- контроль над законностью договорных отношений, процедура перехода родительских прав, гарантии сохранения психологического и физического здоровья всех сторон.

Международное регулирование суррогатного материнства демонстрирует значительную вариативность подходов, обусловленных историко-культурными, религиозными и правовыми традициями различных стран.

В Соединённых Штатах Америки суррогатное материнство контролируется исключительно на уровне отдельных штатов: отсутствует федеральный закон, унифицирующий процедуру или устанавливающий общие биоэтические стандарты. Это формирует своеобразную «мозаику» правового поля, где в одних штатах (например, Калифорнии, Иллинойсе) действует либеральная система с заниженными барьерами для заключения суррогатных договоров, а в иных (несколько штатов Новой Англии, Мичиган и др.) суррогатное материнство запрещено полностью или допускается с существенными ограничениями.

Во Франции, например, любые формы суррогатного материнства признаны противоречащими публичному порядку и общественной морали, а нарушение запрета грозит уголовной ответственностью; договоры о суррогатном материнстве признаются ничтожными с момента заключения [4].

В Индии институт суррогатного материнства был официально легализован в начале 2000-х гг., что привело к бурному развитию коммерческого сектора услуг по программе ВРТ. На протяжении более десяти лет Индия привлекала клиентов из стран Европы, Америки, Австралии, Китая, предлагая сравнительно низкие цены, высококачественное медицинское обслуживание и упрощённые процедуры заключения соглашений между сторонами. На данный момент суррогатное материнство в Индии значительно ограничено.

Таиланд был одним из последних центров коммерческого суррогатного материнства для иностранцев в Азии, но скандалы, связанные с брошенными детьми, международным трафиком и отсутствием правовой защиты женщин, привели к жёсткому запрету данной практики для иностранных резидентов и значительно строже регулируются даже для граждан королевства.

Пример азиатских стран демонстрирует: в ситуации экономической нестабильности, правовой неопределённости и слабого контроля даже официально разрешённое суррогатное материнство быстро становится источником злоупотреблений и нарушений основных этических стандартов.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека (2005), провозглашающая баланс между свободой человека и потенциальными рисками для физического и психического здоровья, а также принцип равенства и недискриминации по признаку происхождения, пола или экономического положения¹ требует от национальных государств создания специальных механизмов правовой и биоэтической

¹ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека (Париж, 19 окт. 2005 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml

экспертизы программ суррогатного материнства, обеспечения доступа участников процесса к информации, правовой помощи, медицинской и психологической поддержке.

Анализируемый сравнительный опыт свидетельствует, что, несмотря на сравнительно либеральное российское регулирование, существующая модель требует значительного усиления контроля над деятельностью посредников, интеграции институтов психологического и юридического консультирования, а также создания независимых экспертных комиссий — особенностей, характерных для государств с развитой системой биоэтического надзора.

Заключение

Исходя из ранее представленных тезисов, можно сделать вывод, что для российской модели целесообразно заимствование лучших зарубежных практик в части создания сервисов сопровождения — обязательного консультирования сторон, введения независимых комитетов по оценке рисков и стандартов договоров, более строгой административной ответственности за несоблюдение правил и развития системы мониторинга практики суррогатного материнства. Такой подход позволит сбалансировать интересы всех сторон, защитить наиболее уязвимых участников и повысить доверие общества к существующим институтам.

Разграничение коммерческого и некоммерческого суррогатного материнства требует усиления контролирующих механизмов и введения чётких критериев оценки обоснованности расходов, чтобы реально обеспечить защиту всех участников процесса.

Также требуется введение строгих стандартов и мониторинга выполнения процедур информированного согласия, расширение прав суррогатной матери на получение независимой юридической помощи, психологического сопровождения и медицинских консультаций вплоть до стадии заключения и расторжения договора. Только такой комплексный подход способен минимизировать риск нарушения автономии суррогатной матери и обеспечить баланс интересов всех сторон.

Список источников

1. Анисимов А. П., Мограбян А. С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-o-surrogatnom-materinstve-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 16.10.2025).
2. Мочалова Я. В. Биоэтические проблемы суррогатного материнства // Вестник университета. 2023. № 4. С. 448–452.
3. Столярова Е. Г. Суррогатное материнство как биоэтическая проблема и его правовое регулирование // Молодой ученый. 2018. № 24. С. 120–126.
4. International Surrogacy Agreements: Legal Regulation at the International Level / ed. by K. Trimmings, P. Beaumont. Oxford: Hart Publishing, 2013. 549 p.

References

1. Anisimov AP, Mograbyan AS. Contract for surrogacy in Russia and foreign countries. Actual problems of Russian law. 2020;(5(114)). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-o-surrogatnom-materinstve-v-rossii-i-zarubezhnyh-stranah> (access date: 16.10.2025). (In Russ.).
2. Mochalova YaV. Bioethical problems of surrogacy. *Vestnik universiteta*. 2023;(4):448-452. (In Russ.).
3. Stolyarova EG. Surrogacy as a bioethical problem and its regulation. *Molodoy uchenyy*. 2018;(24):120-126. (In Russ.).
4. International Surrogacy Agreements: Legal Regulation at the International Level / ed. by K. Trimmings, P. Beaumont. Oxford: Hart Publishing, 2013. 549 p.

Информация об авторах

А. А. Похолкова — студент.
А. Д. Черепанова — студент.

Information about the authors

A. A. Pohlkova — student.
A. D. Cherepanova — student.

Статья поступила в редакцию 28.10.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 19.11.2025.

The article was submitted 28.10.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 19.11.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declares no conflicts of interests.